

Николай БУРЛЯЕВ: Я очень редко потрясаюсь

С 22 по 31 мая в Челябинске пройдет XIV Международный кинофорум «Золотой витязь». Демонстрация программных фильмов состоится на 6 киноплощадках в Челябинске, а также в 10-15 городах и районах области. Всего в кинофоруме ожидается участие до 300 кинематографистов из 38 стран, в том числе из Польши, Венгрии, Чехии, Болгарии, Франции, Германии, США, Индии, Перу, Китая, ряда стран СНГ и Балтии. Сегодня на вопросы нашего корреспондента отвечает президент «Золотого витязя» — актер и режиссер Николай Бурляев.

Беседовала
Инна Коваленко

— Вы начали сниматься в военном кино еще школьником. Старшее поколение запомнило и полюбило веснушчатого подростка Николая Бурляева за фильм «Иваново детство». Где вас нашел режиссер картины Андрей Тарковский?

— На «Иваново детство» к Андрею Тарковскому я попал по промыслу Божию. До этого я играл у Андрона Кончаловского в короткометражном фильме «Мальчик и голубь». В те годы эти два Андрея очень дружили. Тарковский узнал от Андрона обо мне. Посмотрел «Мальчика и голубя». Когда Тарковскому было предложено делать «Иваново детство», он пошел на эту постановку только потому, что уже нашел Колю Бурляева. Тогда я не понимал, к какому великому режиссеру попал. Тарковский был молодой и неизвестный, но когда я его первый раз увидел, он мне очень понравился.

— Тяжело было работать у Тарковского?

— Сейчас, когда я сам уже учу ребят и выпустил первый в истории страны православный курс авторской режиссуры, я анализирую, как работал Тарковский, и делаю вы-

вод: «Так работать не надо. Надо любовью. Любовью добьешься большего».

— Вы говорите о съемках «Андрея Рублева»?

— И про это тоже. Ведь параллельно с «Андреем Рублевым» я был утвержден на фильм Юлия Файта «Мальчик и девочка». Поскольку Тарковский был однокурсником Файта, он уступил меня ему, но остался очень недоволен, что я езжу на юг, играю там в комфортном фильме, тогда как должен быть все время рядом, ползая по грязи, падать с обрывов и быть преданным только ему. Он ревновал, даже просил помощников, чтобы они каждое утро оповещали меня о его недовольстве. Все это для того, чтобы я постоянно находился на эмоциональном, неуспокоенном пределе. Тарковский этого добился.

— Какая сцена стала самой трудной для вас в «Ивановом детстве»?

— Это сцена «Игра в войну», о которой Андрей Тарковский предупредил меня еще на кинопробе. «Ты должен будешь заплакать прямо перед кинокамерой, а не так, как ты плакал у Андрона, когда он в «Мальчике и голубе» давал тебе нюхать лук. Тебе надо будет заплакать за саму сцену». И я ждал эту сцену с трепетом, постоянно думал о ней.

— Мама как-то помогала юному артисту Коле?

— Когда снимали «Иваново детство», я был еще несовершеннолетним. Мама поехала со мной на съемки на Украину, помогала тем, что была рядом. Кормила, поила, отхаживала после труднейших сцен, в которых поздней осенью приходилось лазить по болотам и плавать одетым в Днепре.

— Актерам часто приходится жертвовать собой. Является ли примером этому фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы», который получил Гран-при на возглавляемом вами кинофоруме «Золотой витязь»?

— Я считаю работу Мела Гибсона поступком христианина. В прошлом году, когда фильм «Страсти Христовы» участвовал в конкурсной программе, к нам прилетели два актера, игравшие в нем Понтия Пилата и апостола Иоанна. Так они нам рассказывали, что Мел Гибсон, перед тем как работать, каждое утро шел в храм, вставал на колени и молился, очищался таким образом.

— В этом году «Золотой витязь» пройдет уже в четырнадцатый раз?

— Да. В конце мая, в Дни славянской письменности, нас примет Челябинск. Международный кинофорум все четырнадцать лет своего существования бродит по разным странам, городам. Это блуждающий кинофорум, странствующий рыцарь. Мы едем туда, где в нас наиболее нуждаются. Так, мы были в блокадной Югославии в 1993 году, презрев запрет нашего правительства, прорвали блокаду. Потом было тревожное Приднестровье, в тот момент, когда там только закончилась война.

— Программа нынешнего года чем-то отличается от прошлых лет?

— Она очень большая: 204 фильма по пяти конкурсам — игрового, документального, телевизионного, анимационного и студенческого кино. В этом году появился шестой конкурс — детское кино.

— Можете отметить что-то из программы, что вы уже успели посмотреть?

— Мне очень понравился фильм крупнейшего сербского режиссера, ныне живущего во Франции, Горана Пас-

калевича «Сон в зимнюю ночь».

— Ваши дети как-то помогают в подготовке кинофестивалей у «Золотого витязя» есть характерное отличие от других?

— То дело, которым мы сейчас занимаемся, оправдывает нашу жизнь. Ведь «Золотой витязь» — особый кинофорум, идущий особым путем. Если почти все прочие грешат вседозволенностью, отбирают все, что можно и что нельзя показывать, то у нас очень строгий девиз — «За нравственные и христианские идеалы, за возвышение души человека», и поэтому мы берем то, что возвышает, не искушает, помогает вы-

раживать... Благое дело... Это полностью благотворительный проект. К слову, о нашем отношении к искусству. Сейчас мы проводим не только кинофорум, но и театральный форум «Золотой витязь». Весной вот состоялся первый международный форум русского боевого искусства. «Золотой витязь» — это уже большое движение.

— За всю историю кинофорума приходилось ли вам впоследствии разочаровываться в режиссерах, которые участвовали в конкурсной программе?

— Да нет, такого не было, происходит как раз обратный процесс. Иногда режиссеров отговаривают, например, Виктора Бутурлина, ученика Михалкова. Когда он соби-

рался на наш первый «Золотой витязь», ему говорили: «Куда ты едешь?!» Но он все-таки приехал и оставил у нас сердце на долгие годы. То же самое было с Яном Якуб-Кольским, одним из лучших польских режиссеров. Его тоже отговаривали: «Куда ты, католик, к православному?» На тот момент у него был выбор: лететь из Токио в Сан-Франциско, где начиналась его ретроспектива, или к нам, в Москву. Он выбрал нас и был очень рад.

— Работы коллег часто вызывают у вас чувство восхищения?

— Так как я сам режиссер, я очень редко потрясаюсь тем, что делают мои коллеги. Но я часто радуюсь за то, что есть талантливые люди — настоящие художники. Тот же фильм «Страсти Христовы». Фильм Александра Сокурова «Русский ковчег». Документальный фильм Никиты Михалкова, который он представил нам в 1994 году, — «Анна от 6 до 18». Прекрасный фильм — открытие, откровение для меня, несмотря на нашу давнюю дружбу. Никиту я считаю очень хорошим русским режиссером, традиционалистом, человеком, работающим без пошлости и высоко утверждающим традиции русской культуры.

— Давно дружите с Никитой Михалковым?

— С тринадцати лет. Я учился в школе рабочей молодежи, специальной, для творческих детей, и затащил туда Никиту Михалкова. Рассказал ему, как прекрасно учиться три дня в неделю, когда педагоги очень благожелательны и уважительны к тебе. Потом я же был первым актером режиссера Михалкова.

— Это была театральная постановка?

— Мы вместе с ним учились в Щукинском училище. Никита решил попробовать режиссерские силы, взял отрывок из «Петра I» Алексея Толстого, а мне предложил роль Карла XII. Отрывок признали удачей, и, окрыленный успехом, Никита, продолжил режиссерскую работу и предложил мне главную роль в пьесе Роуза «12 разгневанных мужчин». Когда мы только начали работать над этим спектаклем, Никиту выгнали из Щукинского училища за анархию, пропуски, вольный дух. И он пошел на акт самоуничтожения — влезал поздно вечером в окна Щукинского училища, чтобы продолжать работу над этой вещью. И он сделал ее на таком уровне, что те, кто его выгнал, — в частности, ректор Захаров, приняли этот спектакль и поставили как нашу дипломную работу. В те годы «12 разгневанных мужчин» был очень известным спектаклем, на который стремились попасть пол-Москвы.

— В трудах над кинофорумом не возникает желания самому снять кино?

— Это желание у меня пропадает при взгляде на то, что делается в нашем рыночном кинематографе. Есть мысль поставить фильм о Пушкине, но Агентство по кинематографии не дает на это средств, а искать и бегать с протянутой рукой я считаю унижительным и недостойным.

— Появился у вас возможность задать вопрос президенту, что бы вы спросили?

— Когда будет менять курс? Когда будет поближе к народу реально, а не в посланиях? Когда поймет, что спасение нации — в кардинальных изменениях политики внутренней и внешней?

ОБЛА ШВЕЙЦЕР